

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Пролог: дух времени и гений места	8

Часть I.

Чикагская прагматистская социология: изучение общества в действии

Глава 1. Золотой век чикагской социологии	57
Глава 2. Социальность в прагматистской философии Джорджа Герберта Мида.....	73
Глава 3. Редкий дар понимать людей: Роберт Парк и Чикагская школа социологии	88
Глава 4. Луис Вирт и его вклад в социологию	112
Глава 5. Экологический аспект в социологии Эверетта Хьюза	132
Глава 6. Герберт Блумер: скромное обаяние символического интеракционизма.....	158
Глава 7. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции.....	181
Глава 8. Уильям Огборн: создание и развитие концепции культурного лага	199

Часть II.
Чикагская революция в политической науке

Глава 9. В поисках «новой науки о политике» (Чарльз Мерриам)	217
Глава 10. Макиавелли XX века на берегах озера Мичиган (Гарольд Лассуэлл)	235
Глава 11. Гарольд Госнелл и его вклад в расширение методического инструментария политической науки.....	259
Глава 12. Леонард Уайт и исследования государственного управления.....	271
Вместо эпилога: сады расходящихся тропок	282
Н.Е. Покровский. Послесловие редактора.....	295

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой книги родился из нашей многолетней совместной и индивидуальной работы по популяризации и осмыслению наследия двух ярких социально-научных школ: Чикагской школы социологии и Чикагской школы политической науки. Обе имеют классический статус в соответствующих науках и до сих пор вызывают живой интерес. Помимо нескольких сборников переводов, знакомящих читателей как с этими школами в целом, так и с наиболее значимыми их представителями, за прошедшие годы нами были подготовлены и опубликованы многочисленные статьи, содержащие осмысление своеобразия этих школ, их внутренней связности, интеллектуального и исторического контекста, исследований, теории и метода, а также индивидуальных вкладов, внесенных отдельными учеными и исследователями в эти захватывающие научные движения. В какой-то момент мы поняли, что в совокупности этих публикаций, разбросанных по разным изданиям, складывается достаточно объемная и разноплановая панорамная картина, заслуживающая того, чтобы быть собранной под одной обложкой. Из этого понимания и выросла эта монография.

Основанием для объединенного рассмотрения двух названных школ было то, что при всей их раздельности и различиях в концептуальных схемах, тематике исследований и применяемых в них методах и процедурах они были тесно друг с другом связаны. Обе школы сформировались в общем контексте прагматизма и несут на себе отпечаток этого философского движения: подчеркнуто дистанцируются от формализма и идеалистических крайностей философской эпистемологии и метафизики, придерживаются эмпиристской установки и ориентированы на содержательное исследование реальности, предполагают гибкость в пользовании понятийными средствами и простор в выборе методов и процедур исследования предмета, трактуют науки о человеке (в том числе социальные) как науки поведенческие.

Представители обеих школ были напрямую связаны сотрудничеством в крупных исследовательских проектах, совместной работой в разного рода комиссиях, профессиональными и личными связями (Г.Ф. Госнелл учился у Р.Э. Парка, Г.Д. Лассуэлл с конца 1920-х годов входил в круг близких друзей Парка). Лассуэлл, самый известный из представителей Чикагской школы политической науки, является классиком социологии в такой же мере, как и классиком политологии. В контексте эмпирического изучения города (прежде всего на примере Чикаго) и общества чикагские социологические и политические исследования дополняли друг друга, внося свои специальные вклады в создание общей их картины – картины процессуальной, сфокусированной на меняющейся современности, ее тенденциях и перспективах будущего.

В Чикагском университете в первые десятилетия XX в. междисциплинарные связи существовали не только между социологией и политической наукой. В этот клубок связей были вовлечены в такой же мере философия, экономика, психология, антропология и т.д. В этой книге у нас нет задачи освещения важных чикагских достижений в этих областях. Мы ограничиваемся социологией и политической наукой. Вместе с тем мы включили в круг нашего рассмотрения две особенно важные пограничные фигуры: из философов – Дж.Г. Мида, без которого чикагская социологическая традиция не может быть адекватно и полно представлена; из антропологов – Р. Редфилда, исследования которого вписываются во многом в чикагскую социологическую программу.

Руководствуясь целью представить в книге то панорамное видение двух школ, о котором было сказано, мы с самого начала отказались от идеи превратить ее в каталог или своего рода словарь. Поэтому в ней нет глав о целом ряде фигур – У.А. Томасе, Э. Фэрисе, Э.У. Бёрджессе, Р.Д. Маккензи, Н. Андерсоне, Х.У. Зорбо, К. Шоу (если взять, например, социологов), Дж. Дьюи, Р. Энджелле, Т. Веблене, Л.Л. Терстоуне и др. (если добавить еще пограничные фигуры), – которые вполне могли бы в ней появиться, будь это другая книга с другими задачами. Соответственно, в настоящей монографии, как и в любой другой, есть свои ограничения.

Основное ядро этой монографии составляют несколько статей, отобранных из ранее написанных¹. Подвергшись некоторой

---

¹ Это следующие статьи: Ефременко Д.В. Столетие манифеста научной политологии Чарльза Мерриам // Полития. – 2021. – № 1(100). – С. 170–182; Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей». Вступительная

переработке, в каких-то случаях меньшей, в других большей (включая сокращения, исправления, добавления, обновление библиографических примечаний), они были превращены в главы. Некоторые главы (о Дж.Г. Миде, Р.Э. Парке, Г. Блумере, разделы «Пролог» и «Вместо эпилога») написаны заново.

Представляя две чикагские социально-научные традиции, мы не пытаемся внести в них больше систематичности, чем в них было. Построенные на прагматистской основе, обе они тщательно избегали догматизма и формализма в теории и методе; обе во многом держатся на оригинальных творческих разработках отдельных ученых, ограниченных лишь рядом принципиальных соображений в отношении природы изучаемого предмета и адекватных этому предмету процедур научного познания. Истолковывая исследуемую социальную реальность как подвижное организованное разнообразие, они и сами себя строили как подвижное организованное разнообразие. В этом же духе выдержана и эта книга.

статья // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – С. 4–43; Ефременко Д.В. Уильям Отборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // Философия науки и техники. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 58–71; Ефременко Д.В. Леонард Уайт и его вклад в исследования государственного управления // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 112–122; Ефременко Д.В. Гарольд Госнелл и Чикагская школа политологии // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 252–265; Ефременко Д.В. «Новая наука о политике», чикагская версия // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки и пер. с англ. В.Г. Николаева. – Москва, 2023. – С. 5–52; Николаев В.Г. Золотой век чикагской социологии // Чикагская школа социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исслед., Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. Николаев В.Г. ; отв. ред. Ефременко Д.В. – Москва, 2015. – С. 5–17; Николаев В.Г. Луис Вирт и его вклад в социологию // Вирт Л. Избранные работы по социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел социологии и социал. психологии ; пер. с англ. Николаев В.Г. ; отв. ред. Гирко Л.В. – Москва : ИНИОН, 2005. – С. 4–23; Николаев В.Г. Экологический аспект в социологии Э.Ч. Хьюза // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 2. – № 48/49. – С. 31–46; Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 5/6(44/45). – С. 99–113.

ПРОЛОГ: ДУХ ВРЕМЕНИ И ГЕНИЙ МЕСТА

Читатель убедится, что наша книга описывает поистине идеальное общество; самое большое затруднение для писателей, вступивших в эту область художественного вымысла, – недостаток ярких и убедительных примеров. В стране, где неизвестна лихорадка наживы, где никто не томится жаждой быстрого обогащения, где бедняки простодушны и довольны своей судьбой, а богачи щедры и честны, где общество сохраняет первоначальную чистоту нравов, а политикой занимаются только люди одаренные и преданные отечеству, – в такой стране нет и не может быть материала для истории, подобной той, которую мы создали на основе изучения нашего поистине идеального государства.

Марк Твен, Чарльз Уорнер. Позолоченный век (1873)¹

Циклы американской истории и «исповедальная страсть»

Эпоха американской истории, получившая с легкой руки Марка Твена и его соавтора Чарльза Уорнера название «позолоченный век», подходила к концу. В 1890 г., когда состоялось первое значимое для темы нашего исследования событие – фактическое основание Чикагского университета, – об этом уже догадывались проницательные наблюдатели и в Америке, и за ее пределами, хотя, конечно, они едва ли предвидели, что сильнейший экономический кризис (его называют *паникой*) накроет Соединенные Штаты, а с ними и весь остальной мир всего лишь три года спустя. Предыдущая паника, разразившаяся двумя десятилетиями ранее, повлекла за собой самую длительную в истории рецессию, длившуюся в США целых 65 (!) месяцев. А затем последовал феноменальный 15-летний экономический рост, с которым обычно и ассоциируют «позолоченный век».

---

¹ Твен М. Собрание сочинений : в 12 томах. – Т. 3. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 9.

В социально-политической динамике любого крупного национально-государственного организма – в нашем случае Соединенных Штатов Америки – не столь уж сложно выявить определенную цикличность, которая отчасти (но никогда полностью) коррелируется и с циклами экономической конъюнктуры. Колебательные движения между двумя крайними точками в американском историческом процессе тонко чувствовал еще Ралф Уолдо Эмерсон, который в своей лекции, прочитанной в мasonicком храме Бостона 9 декабря 1841 г., говорил об извечном антагонизме внутри государства партий консерватизма и новаторства, антагонизме, укорененном в самой природе человека, полюсами которой являются прошлое и будущее, память и надежда, понимание и разум¹.

Генри Адамс уже в начале 1890-х годов предпринял попытку идентифицировать четкие 12-летние политические циклы начиная с принятия Декларации независимости. Адамс, впрочем, остановился на президентствах Т. Джефферсона и Д. Мэдисона (1801–1817), сделав оговорку, что на основе его подхода содержательно охарактеризовать последующие циклы под силу даже ребенку². Адамс первым использовал метафору маятника, амплитуда которого описывала ритмическое движение от усилий, требующих максимального расхода энергии нации, к внутреннему сосредоточению и обратно.

Артур Шлезингер-ст., избегая упрощений и схематизации в привязке к равным временным промежуткам маятниковых колебаний, усматривал цикличность в смене друг другом этапов консервативной политики в интересах меньшинства и либерального курса в защиту прав большинства. Его циклы (точнее, приливные волны – tides) неравномерны: так, Гражданская война и первые годы Реконструкции – восьмилетний период с 1861 по 1869 г. – это весьма сжатый во времени сокрушительный рывок к демократизации, зато последующий консервативный откат длится более трех десятилетий, вплоть до гибели в 1901 г. от руки анархиста президента У. Мак-Кинли и прихода к власти Т. Рузвельта, чье правление открывает 18-летнюю прогрессивную эру³. В отличие от Адамса,

---

¹ Emerson R.W. The conservative. – Scotts Valley, CA : Create Space Independent Publishing Platform, 2018. – 30 p.

² Adams H.B. The history of the United States of America during the administrations of Thomas Jefferson and James Madison. – New York : C. Scribner & sons, 1890. – Vol. 6. – P. 123.

³ Schlesinger A.M. (Sr.) Paths to the present. – New York : Macmillan, 1949. – 317 p.

Шлезингер-ст. делал упор на качественном своеобразии каждого демократического прилива и консервативного отлива, показывая, что при наступлении нового цикла достижения или проблемы предыдущего не обнуляются, но составляют основу для аккумуляции дальнейших изменений.

Артур Шлезингер-мл., развивая идеи своего отца, отмечал, что либеральные циклы слишком «энергозатратны» для социального организма и после них всегда нужен более или менее продолжительный консервативный период, позволяющий обществу восстановить силы. Но такой «отдых» дается высокой ценой накопления социальных противоречий, разрешить которые удастся уже в новом либеральном цикле. Шлезингер-мл. определял «цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц»¹. Подлинный цикл является самовоспроизводящимся, «каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота»².

Не идеализируя эту схему, мы все же считаем нужным принять ее во внимание, поскольку нас интересует исторический контекст зарождения интеллектуального движения, которое уже на следующем историческом этапе привело к настоящим прорывам в нескольких областях социального знания. И здесь весьма полезным дополнением к схеме цикличности американской истории, предложенной Шлезингером-ст. и уточненной его сыном, служат идеи Сэмюэла Хантингтона о порывах американской «исповедальной страсти» (*creedal passion*). Согласно Хантингтону, некий обобщенный американский «символ веры» предполагает наличие правительства (власти), одновременно сочетающего в себе такие качества, как открытость, эгалитарность, подконтрольность, отзывчивость к нуждам отдельных индивидов и групп, отказ от принуждения. Разумеется, ни одна из американских администраций такому политическому и нравственному кредо в полной мере не соответствовала. Из этого проистекает разрыв между идеалами и институтами, который иногда становится нетерпимым и провоцирует мощный всплеск общественного негодования и усиление социальных размежеваний. В конце концов нарастающее напряжение приводит к серии радикальных социально-политических изме-

---

¹ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. – Москва : Издательская группа Прогресс, 1992. – С. 46.

² Там же.

нений, средняя продолжительность которых составляет порядка 15 лет внутри большого 60-летнего цикла. В американской истории XVIII–XX вв. Хантингтон выделяет четыре эпохи: начиная с 1770-х годов – революционная эра; начиная с 1830-х – джексонская эра; начиная с 1900-х – прогрессивная эра; начиная с 1960–1970-х – S&S (хантингтоновский акроним от Sixties and Seventies)¹.

А чем же тогда было последнее десятилетие XIX в.? Восприятие эпохи современниками не всегда точно. «...Неуемная энергия американцев, находившая спасительное занятие для их свободных от мыслей умов, как и процесс созидания новой общественной силы и применение ее растущей власти, по всем признакам выдохлись», – саркастически скажет об этом времени Генри Адамс². На деле же происходило как раз то, о чем писал Хантингтон: «позолоченный век» продуцировал новый подъем морального негодования из-за разрыва между идеалами и институтами, отчуждение между массовыми группами и политико-экономическими элитами быстро нарастало, на арену политической борьбы выходили новые, прежде «молчавшие» группы интересов, начинавшие отстаивать свои права, резко усиливалась роль прессы, все чаще бравшей на себя функции противовеса коррумпированным политикам, появлялись новые формы и каналы политического участия. И если корифеи американской словесности, такие как У. Уитмен³ или Р.У. Эмерсон⁴, на склоне своих лет клеймили нравы и политику «позолоченного века» словами, полными глубокого разочарования, то интеллектуалы и люди практического склада нового поколения в своих высказываниях или социальных инициативах готовили наступление перемен, причем перемен в очень широком социальном диапазоне.

Смена поколений – весьма важный фактор, который акцентирует Шлезингер-мл., рассуждая о циклах американской истории. И в самом деле, поколение, сформировавшееся на исходе «позолоченного века», вдохновляемое американской «исповедальной страстью», сумело выдвинуть множество новых идей в самых разных областях социальной жизни, практическое воплощение кото-

---

¹ Huntington S.P. American politics: The promise of disharmony. – Belknap Press, 1981. – P. 13–60.

² Адамс Г. Воспитание Генри Адамса : пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 389.

³ Whitman W. Democratic vistas. – Iowa City : University of Iowa Press, 2010. – 214 p.

⁴ Emerson R.W. The fortune of the Republic and other American addresses. – London : Wentworth Press, 2019. – 148 p.

рых уже в начале нового века – разумеется, не во всех случаях полное и идеальное – получило название «прогрессивной эры».

Парадокс Токвиля, или О духе времени

Алексис де Токвиль, путешествуя в начале 1830-х годов по джексоновской Америке, собрал богатый материал, подтвердивший его более ранние наблюдения социальной динамики в Европе. Токвиль писал: «Ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно сказать, что костер демократических страстей разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала. Я уже указывал на причины этого феномена. Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест, тем больший, чем выше степень этого единообразия. Поэтому вполне нормально, что стремление к равенству усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развивают его»¹.

Этот парадокс, обнаруживающий себя слишком часто, чтобы можно было им пренебречь, но демонстрирующий в конкретных обстоятельствах времени и места такую вариативность, что возвести его в ранг универсального социального закона не представляется возможным, в Америке конца XIX в. проявил себя во многих аспектах, из которых эгалитаризм был очень важным, но отнюдь не единственным.

Америка в период между *паниками* 1873 г. и 1893 г. по меркам большинства других стран была близка к процветанию. По крайней мере на это указывали и темпы экономического развития, и динамика роста благосостояния. И все же неудовлетворенность положением дел охватывала самые разные слои и социальные группы во всех штатах.

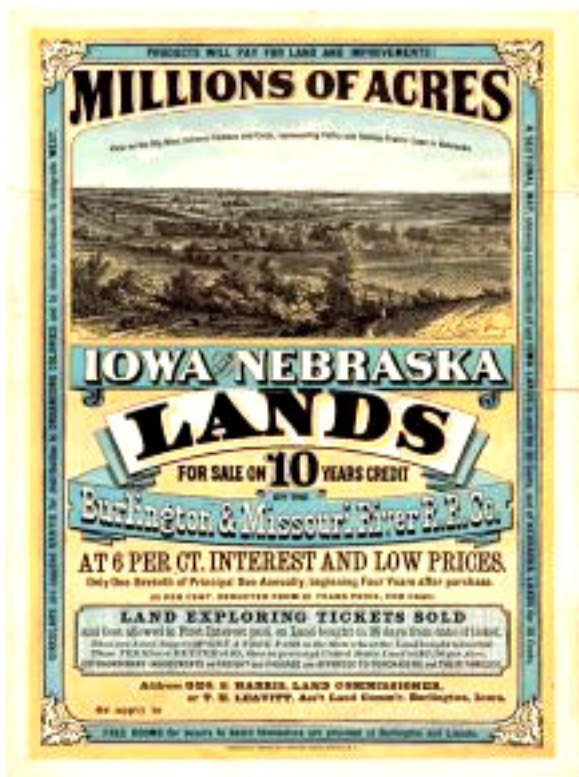
Что же происходило?

Завершившаяся победой северян Гражданская война была величайшим политическим и социальным потрясением, из которого Соединенные Штаты вышли обновленной страной. Но это было обновление после катастрофы: из 31,5 млн жителей США в 1860 г. в

---

¹ Токвиль А. де. О демократии в Америке : пер. с франц. – Москва : Прогресс, 1992. – С. 485.

войне с обеих сторон приняли участие 3 млн человек; безвозвратные потери (вместе с гражданским населением) приближались к 700 тыс. человек, более 1 млн человек (3% населения страны) были ранены. Между Севером и Югом вплоть до начала XX в. сохранялся сильный экономический диспаритет. Освобождение чернокожих рабов не обеспечило их равноправия с белыми; принимавшиеся в южных штатах с начала 1890-х годов «законы Джима Кроу» сформировали систему расовой сегрегации.

Постер, рекламирующий выкуп за символическую цену «миллионов акров» из Государственного земельного фонда

Вместе с тем Закон о гомстедах, проведенный администрацией Линкольна через Конгресс в разгар Гражданской войны, по-

зволил осуществить передачу из государственного земельного фонда на западных территориях в хозяйственное пользование, а затем и в полную собственность любому совершеннолетнему гражданину США участков размером в 160 акров (64 га). До конца столетия, когда земельный фонд был исчерпан, этой возможностью воспользовались сотни тысяч американцев, благодаря чему произошло массовое расширение социальной группы собственников, обеспечив «США преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации»¹. Аграрная реформа позволила быстро освоить в основном чрезвычайно плодородные земли, по площади вдвое превосходившие размеры всей Западной Европы. При этом во многих случаях наносился ущерб дикой природе, насильственно сокращался ареал проживания и хозяйственной деятельности коренного населения Северной Америки. Раздача земельных участков сопровождалась коррупцией, достигшей выдающихся масштабов с того момента, когда участки начали активно выкупаться под железнодорожное строительство.

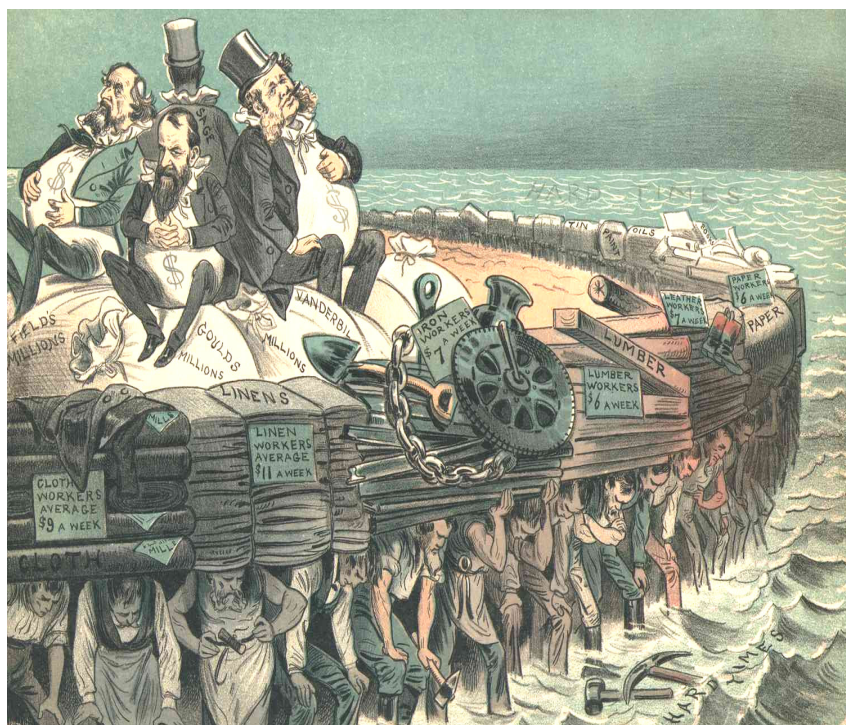
Как в железнодорожном бизнесе, так и во всех перспективных отраслях индустриального и аграрного производства на ведущие роли выдвинулись предприниматели, чьи практики ведения бизнеса принесли им репутацию «баронов-разбойников»². К этой плеяде относились К. Вандербильт, Э. Меллон, Дж. Рокфеллер-ст., Э. Карнеги, Дж.П. Морган, Р. Сэйдж и др. Звездный час «баронов-разбойников» наступил после *паники* 1873 г., когда появилась возможность по демпинговым ценам скупать активы разорившихся компаний и банков, формируя тем самым горизонтально интегрированные промышленные синдикаты. Осуществляя концентрацию производства и максимально усиливая эксплуатацию наемного труда, «бароны-разбойники» объективно способствовали организации и технологически эффективному использованию ресурсов американской нации в невиданных прежде масштабах и в то же время содействовали формированию новой социальной структуры. Эта плеяда предпринимателей стала основным проводником технологического перевооружения американской промышленности, имевшего глобальные последствия. А. Гринспен и А. Вулдридж в своей «Истории американского капитализма» приводят пример сталелитейной промышленности.

---

¹ Согрин В.В. Американская цивилизация. – Москва : Весь мир, 2020. – С. 107.

² В ходу был также и более деликатный термин – «капитаны индустрии».

«Благодаря постоянному совершенствованию технологий издержки производства на единицу продукции (показатель, в принципе аналогичный почасовой выработке) “бессемеровской стали” резко снизились, в результате чего оптовая цена на сталь с 1876 по 1901 г. упала на 83,5%. Дешевая сталь запустила целый цикл новаций: стальные рельсы были в десять с лишним раз долговечнее чугунных, а стоили лишь немногим дороже, что позволяло перевозить по железным дорогам больше людей и товаров за меньшие деньги. Аналогичный каскад модернизационных изменений, затронувших почти все сферы деятельности человека, удвоил уровень жизни в Америке всего за поколение»¹.

«Защитники нашей промышленности».
 Карикатура Б. Гиллэма на американских
 «баронов-разбойников» из журнала «Руск» (07.02.1883)

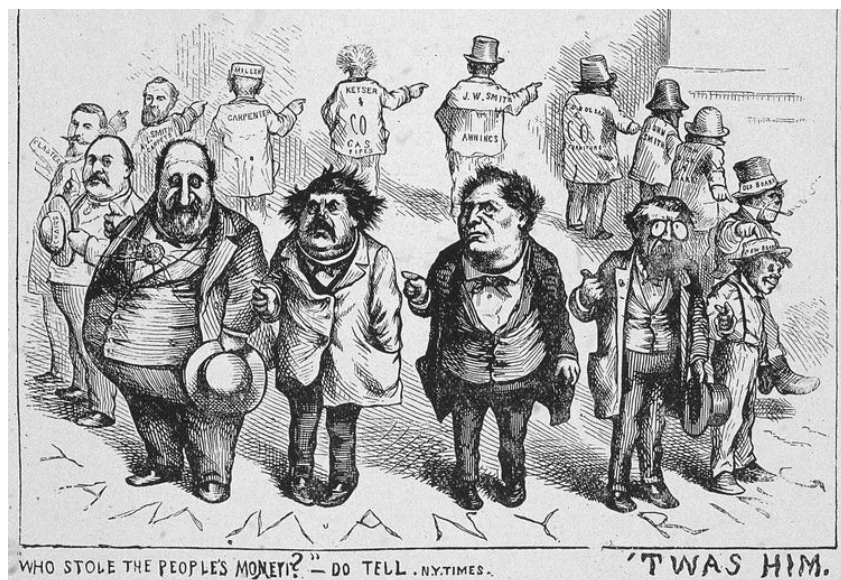
¹ Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. История. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – С. 8.

Связи «баронов-разбойников» с политической элитой в Вашингтоне и на уровне штатов были столь разветвленными и тесными, что годы «позолоченного века» вполне могут считаться апогеем политической коррупции. Турбулентность на поверхности политической жизни прикрывала процессы «сцепки» политических и экономических элит и формирования единого конгломерата, для которого видимые межпартийные размежевания имели второстепенное значение.

Острая политическая борьба сотрясала Вашингтон в первые годы после Гражданской войны, поскольку из межпартийного соперничества она переросла в противостояние институтов федеральной власти, едва не завершившееся импичментом президенту Э. Джонсону. Курс на свертывание наиболее радикальных демократических преобразований, взятый с начала 1870-х годов, подпитывался почти всеобщей усталостью от потрясений предыдущего десятилетия и недовольством значительной части белого населения (в том числе в северных штатах) «чрезмерными» уступками афроамериканцам. Несмотря на формальное расширение демократических свобод, включая повсеместную имплементацию процедуры тайного голосования, обе основные политические партии шли на теснейшее сближение с корпорациями, да и сами все больше трансформировались в механизмы, нацеленные на прямое извлечение прибыли либо торговлю политическим влиянием.

В крупных городах доминирующую роль играли партийные «политические машины» и их боссы. Так, поистине легендарным было влияние на политическую жизнь Нью-Йорка партийного босса демократов Уильяма Твида (1823–1878), вокруг которого сформировалась мощная система клиентелизма, взяточничества и даже организованной преступности – «шайка Твида». Добившись в годы Гражданской войны практически неограниченного контроля над городской штаб-квартирой Демократической партии – Таммани-Холлом, – Твид за счет манипуляций с подрядами, многократного завышения сметной стоимости объектов строительства, финансируемых городом и штатом Нью-Йорк, прямого казнокрадства сколотил огромное состояние, а общий объем аккумулированных «шайкой Твида» средств превышал размер внешнего долга США к исходу Гражданской войны. В результате разоблачения со стороны одного из немногих неконтролируемых им изданий, Твид был арестован в 1873 г., но бежал из-под ареста и сумел добраться до Испании. Однако испанское правительство выдало беглеца американским властям. Вплоть до своей смерти от пневмонии он

содержался в нью-йоркской тюрьме Ладлоу, на подрядках на строительство которой он ранее неплохо нажился.

«Кто украл народные деньги? – скажи».

Карикатура Т. Наства на босса Твида и его окружение
(The New York Times, 19.08.1871)

Утвердившийся со времен президентства Э. Джексона принцип распределения должностей в зависимости от принадлежности к правящей партии – spoils-system – был еще одним каналом политической коррупции. Общественная критика и снижение качества управления привели к тому, что в 1883 г. был принят Акт Пендлтона, положивший начало переходу в административной системе от клиентелизма к меритократическому принципу назначения на государственные должности. Однако переход был настолько медленным и неуверенным, что полное изживание наследия spoils-system на федеральном уровне затянулось на многие десятилетия, оставаясь острой проблемой даже во времена Ф.Д. Рузвельта, а на уровне городов, в частности в Чикаго, система патронажа сохранялась до 1970-х годов.

На примере борьбы с клиентелизмом в государственном управлении США видно, как проявлял себя парадокс Токвиля: был сделан первый, оценивая ретроспективно, – решающий шаг на-

встречу общественному мнению, но его фактическое исполнение только усиливало недовольство положением дел. То же можно сказать о первых шагах в разработке антитрестовского законодательства (Акт Шермана 1890 г.) и о попытках введения государственного регулирования в сфере железнодорожного строительства в пределах компетенции федеральных органов власти (1887). Эти меры были легко купированы рокфеллеровской «Стандарт ойл» и другими крупными корпорациями, находившими многочисленных союзников в Белом доме, Конгрессе, Верховном суде, легислатурах штатов. И тем большим было негодование массы избирателей. Рост недоверия к двухпартийной системе выразился в нескольких попытках создать «третью силу» – Популистскую партию в начале 1890-х годов, Социалистическую – в начале 1900-х, Прогрессивную – в начале 1910-х. Однако наиболее мощное, *прогрессивное* движение развивалось уже вне партийных структур.

Широкое и гетерогенное по своему составу реформаторское движение достаточно долго не имело четкого идеологического оформления. Книга Герберта Кроли (Croly)¹ «Обетование американской жизни» – настоящая «библия прогрессивизма» – была опубликована только в 1909 г. и вобрала в себя многие идеи, витавшие в воздухе на протяжении по крайней мере двух предыдущих десятилетий. При этом Кроли представлял либерально-демократическое крыло прогрессивизма, которое, естественно, не отражало установки, характерные для более радикальных деятелей прогрессивной эры. Отвергая распространенные в эпоху «позолоченного века» социал-дарвинистские представления, Кроли ратовал за сильное центральное правительство, способное выступить противовесом неконтролируемой жажде наживы, следствием которой становится несправедливое распределение национального богатства. По сути, государство должно было взять на себя значительно больший объем задач социального регулирования и коррекции «дикого капитализма». В свою очередь, демократические институты должны выступать в роли предохранителей, исключающих ненадлежащее использование государственной власти².

---

¹ В литературе на русском языке часто используется другое написание этой фамилии – Кроули, что не вполне точно и может породить путаницу с жившим в ту же эпоху английским мистиком и оккультистом Алистером Кроули (Aleister Crowley).

² Croly H. The promise of American life. – New York : The Macmillan company, 1909. – 468 p.

Разумеется, перечень «горячих тем» социально-политического дискурса прогрессивной эры был намного шире. Каждая из значимых социальных сил или групп, сопричастных реформаторскому движению, привносила туда что-то свое. Набирающий силу феминизм ставил во главу угла избирательные права женщин и достижение равноправия в других сферах социальной жизни. Ценители дикой природы, вдохновляемые уже не столько романтическим эскапизмом Г.Д. Торо, сколько раннеэкологическими идеями Дж.П. Марша, Дж. Мьюра и практическими предложениями Г. Пинчота, требовали создания системы национальных парков и заповедников¹. Лидеры афроамериканского сообщества, преодолевая фрустрацию 1870–1880-х годов, инициировали образовательные проекты для чернокожих и проповедовали межрасовое согласие и сотрудничество (Б. Вашингтон) либо настаивали на более высоком уровне равноправия с использованием для достижения этой цели инструментов протестной активности (У. Дюбуа). Расследовательская журналистика (Дж. Стеффенс, Э. Синклер, И. Тарбелл, Дж. Риис и др.), представителей которой президент Т. Рузвельт пренебрежительно назвал «разгребателями грязи» (*muckrakers*), сыграла выдающуюся роль в мобилизации общественного мнения в новом, возможно, самом сильном подъеме американской «исповедальной страсти».

Наконец, не стоит забывать и о религиозной составляющей прогрессивизма хотя бы потому, что подъем «исповедальной страсти» означал не только массовое негодование, вызванное несоответствием фактического положения дел идеалу общественного устройства, но и протест людей верующих, для которых этот идеал вытекал из понимаемых тем или иным образом божественных предустановлений. Линия социального критицизма к началу XX в. была воспринята большинством протестантских деноминаций США, а само течение получило название социального евангелизма (*Social Gospel*). Исходная позиция социального евангелизма, сформулированная еще в 1877 г. конгрегационалистским пастором У. Гладденом, заключалась в том, что христианское вероучение распространяется на все социальные отношения, включая отношения работников и работодателей, а создание профсоюзов в этой оптике видится вполне богоугодным делом². Весьма важно, что

---

¹ См.: Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. – Москва : ИНИОН РАН, 2006. – С. 145.

² Gladden W. The Christian way: whither it leads and how to go on. – New York : Dodd, Mead & Company, 1877. – 142 p.

течение социального евангелизма, выступая за продвижение реформ, в качестве одного из союзников видело научное знание и тех, кто его производит. Соответственно, вклад социальных евангелистов в развитие образования и научных исследований, весьма важный в контексте интересующей нас истории основания Чикагского университета, в конечном счете ускорял наступление прогрессивной эры.

«Смышленный дикарь, поборовший леса и прерию»

Если общий критический настрой американского общества подготавливал смену исторического цикла, способствовал формированию особого идейного движения и торил путь крупным политическим изменениям, то, очевидно, на обширной территории Соединенных Штатов должна была найтись точка или несколько точек, где все эти веяния, все потоки интеллектуальной и предпринимательской энергии, человеческого капитала, материальных ресурсов должны были сходиться воедино, решительно ускоряя наступление новой эпохи. Вашингтон – политико-административная столица – для этой миссии совсем не подходил: всплески политических баталий внутри Конгресса или между Капитолийским холмом, Белым домом и зданием Верховного суда сменялись затишьем закулисных сделок, но триггеры столичных пертурбаций находились чаще всего в других частях Америки. Конечно, очень многое разворачивалось на аренах Нью-Йорка. Однако город «большого яблока» (сам эпитет будет изобретен только в 1920-е годы) был уже слишком велик, слишком возвышался над всей страной, готовясь перенять у Лондона негласный титул «столицы мира». Но у Нью-Йорка появился соперник на Среднем Западе, возможно, самый американский из всех американских мегаполисов – Чикаго. «Город ветров» (эпитет, утвердившийся во второй половине 1870-х годов) не успел побывать столицей одной из североамериканских колоний, да и примечательного прошлого, до Декларации независимости, у Чикаго не было (если, конечно, не считать таковым создание на его современной территории французом-иезуитом миссионерского поста, а затем основание в той же местности другим французом торговой фактории). Только в 1803 г. американские военные строят на южном берегу реки Чикаго небольшое укрепление – Форт-Дирборн, которое выводится из эксплуатации в 1837 г. – именно в этот год Чикаго получил статус города с населением в

350 человек. За три года население увеличилось более чем в 12 раз. Рост города и его населения продолжался далее беспрецедентными даже для Америки темпами: когда Великий пожар 1871 г., длившийся три дня, утих, только бездомными оказались около 100 тыс. человек.

Население Чикаго, 1840–1930*

Таблица 1

Год	Численность населения	Рост населения, в %
1840	4470	
1850	29 963	570,3
1860	109 260	264,6
1870	298 977	173,6
1880	503 185	68,3
1890	1 099 850	118,6
1900	1 698 575	54,4
1910	2 185 283	28,7
1920	2 701 705	23,6
1930	3 375 329	24,9

* Источник: Census data of the city of Chicago 1920 / Burgess E.W., Newcomb Ch. (eds.). – Chicago : University of Chicago press, 1931. – P. 5.

К концу «позолоченного века» Чикаго по численности населения опередил более двух десятков «старых» городов Америки и отставал лишь от Нью-Йорка. Источником феноменального роста было прежде всего весьма удачное географическое положение на пересечении водных путей и быстро формируемой трансконтинентальной железнодорожной сети. Первоначальной индустриальной специализацией Чикаго были забой скота и заготовка мяса: фермеры Среднего Запада ежегодно доставляли сотни тысяч животных к городу, вокруг и даже внутри которого располагались скотобойни. Гражданская война сделала этот бизнес сверхприбыльным, поскольку администрация Линкольна заключила с чикагскими мясопромышленниками подряд на поставку свинины и говядины для армии северян. Но еще до Гражданской войны началась быстрая экономическая диверсификация. Транспорт, вагоностроение, металлургия, сфера услуг, банковское и страховое дело, ретейл формировали тот образ, который воплотил в своей поэме Карл Сэндберг:

«Свинобой и мясник всего мира,
 Машиностроитель, хлебный ссыпщик,
 Биржевой воротила, хозяин всех перевозок,
 Буйный, хриплый, горластый,
 Широкоплечий – город-гигант.

Мне говорят: ты развратен – я этому верю: при свете газовых фонарей я видел твоих накрашенных женщин, зазывающих фермерских парней.

Мне говорят: ты преступен – я отвечу: да, это правда, я видел, как убивают безвинных, и спокойно уходя, чтоб вновь убивать.

Мне говорят, что ты скуп и жесток, и мой ответ: на лице твоих женщин, детей и подростков я видел отметины алчного голода.

И, так ответив, я обернусь еще раз к ним, высмеивающим мой город, и брошу им тоже усмешку и скажу им:

Укажите-ка город на свете, у которого шире развернуты плечи, где звончее, задорнее песни, чья живей и кипучее радость, радость жить, быть грубым, сильным, искусным.

Швырками крылатых проклятий вгрызаясь в любую работу, громоздя глазомер на сноровку, он разлегся – огромный, отважный, живучий, ленивый, посреди изнеженных городков и богатых предместий,

Свирепый, как пес, с разинутой пенистой пастью, смышленный дикарь, поборовший леса и прерию»¹.

Трагедия 1871 г. очень многое изменила в судьбе Чикаго. Слова грибоедовского персонажа «Пожар способствовал ей много к украшению», сказанные, разумеется, о пожаре Москвы 1812 г. (по своему масштабу он уступал чикагскому), применимы к американскому городу, возможно, в большей степени, поскольку произошли качественные перемены не только в благоустройстве и градостроительстве, но была запущена настоящая цепная реакция городских преобразований. Волна солидарности с погорельцами охватила всю Америку и даже Великобританию. На представителей городских властей и олдерменов (членов городского собрания) легла большая ответственность в плане разумного и стратегически ориентированного использования поступающих средств. Можно сказать, что и традиция американской филантропии после Великого пожара достигла нового уровня, и это давало о себе знать даже десятилетия спустя.

Послепожарный Чикаго стал идеальной площадкой для архитектурных новаций. Первый в мировой истории небоскреб (его максимальная высота после надстройки составила 55 м) с полностью металлическим каркасом был построен в Чикаго в 1885 г. по проекту инженера У. «Ле Барона» Дженни. Начинаясь вместе с Дженни, Л.Г. Салливан считается ключевой фигурой Чи-

---

¹ Сэндберг К. Чикаго // Поэзия США. – Москва : Художественная литература, 1982. – С. 353.

кагской школы архитектуры и «отцом» американского архитектурного модернизма. В Чикаго он спроектировал целый ряд каркасных небоскребов (в том числе здание Чикагской фондовой биржи), но при этом он же был автором помпезного павильона в стиле beaux-art на Всемирной колумбийской выставке (тем самым внося вклад в City Beautiful movement, которое было частью прогрессивистского движения), а также православного Свято-Троицкого собора в районе «Украинской деревни», в проекте которого сумел весьма бережно воспроизвести традиции русской церковной архитектуры. Салливан сформулировал базовый принцип: «Форма в архитектуре следует функции»¹. В случае послепожарного Чикаго применение этой формулы не оставляло места для иллюзий: это был город больших денег, строительство в котором было рассчитано прежде всего на максимизацию прибыли.

Руины Чикаго после Великого пожара 1871 г.

---

¹ Sullivan L. The tall office building artistically considered // Lippincott's Monthly Magazine. – Philadelphia : J.B. Lippincot company, 1896. – March. – P. 408.

Первый небоскреб в Чикаго.
Архитектор – У. «Ле Барон» Дженни (1885)

Но были и «нюансы». Так, в начале 1880-х годов Дж. Пульман принял решение перенести в южный пригород Чикаго свою основную производственную базу вагоностроения, но на выкупленных площадях он построил не только завод, но и замкнутый рабочий поселок с первоклассной инфраструктурой, многоквартирными домами и таунхаусами в викторианском стиле

для почти 2 тыс. рабочих и сотрудников производственного управления, трамвайной сетью, школой, библиотекой, театром, торговым центром, приходской церковью и даже собственной полицией. В этой воплощенной в кирпиче и бетоне модели патерналистских отношений между работодателем и работником, казалось, было предусмотрено все, чтобы сформировать нерасторжимые узы лояльности и соорудить непреодолимый барьер между населением пульмановского городка и основной массой чикагских рабочих, чьи условия жизни были несоизмеримо более тяжелыми¹.

Однако эксперимент потерпел сокрушительный провал, когда вследствие *паники* 1893 г. Пульман предложил сократить зарплату своим рабочим на 1/3 в качестве альтернативы увольнению (в Чикаго на других предприятиях порядка 180 тыс. человек потеряли работу) при сохранении высокой арендной платы за жилье. Начавшаяся весной 1894 г. забастовка работников пульмановского городка в несколько недель переросла в стачку, охватившую больше половины всех штатов и парализовавшую пассажирское железнодорожное сообщение на большей части территории страны. Стачка в ряде мест переходила в разрушение транспортной инфраструктуры и вооруженную борьбу, принимавшую такие масштабы, что в передовицах многих газет стало мелькать слово «революция»². Протесты рабочих удалось подавить только после привлечения федеральных войск и гибели нескольких десятков человек; в ходе этого раунда классовой борьбы сформировался мощный Американский профсоюз железнодорожников и начался подъем социалистического движения во главе с Ю. Дебсом. Чикаго, где еще в мае 1886 г. произошли знаменитые забастовки за введение восьмичасового рабочего дня, организованный анархистами митинг в поддержку бастующих на Хеймаркет-сквер и его жестокий насильственный разгон, стал ареной развертывания новой политической силы, – фактор, оказавший в дальнейшем немалое влияние и на ключевые фигуры интеллектуальной жизни города.

Хотя местные власти и большая часть прессы были на стороне обитателей рабочего поселка, Дж. Пульман отказался от снижения арендной платы и иных уступок, опираясь на

---

¹ Buder S. Pullman: An experiment in industrial order and community planning, 1880–1930. – New York : Oxford University Press, 1967. – 284 p.

² Lindsey A. The Pullman strike: the story of a unique experiment and of a great labor upheaval. – 3rd impression. – Chicago : The University of Chicago Press, 1964. – 424 p.

штрейкбрехеров, не связанных с рабочим поселком. В течение нескольких лет его население значительно сократилось, а вскоре после смерти Пульмана в 1897 г. прокуратура города потребовала от наследников избавиться от непрофильных активов. В последующее десятилетие большинство объектов перешли под контроль города Чикаго, что обернулось упадком всего района.

POLICE DRIVING BACK THE MOB FROM A TRAIN BLOCKED BY OBSTRUCTIONS ON TRACK NEAR FORTY-THIRD STREET.

Drawn by E. M. Ashe from Sketches by G. A. Coffin.

Полиция пытается оттеснить от железнодорожных путей участников Пульмановской стачки, заблокировавших движение поездов в районе 43-й улицы Чикаго (1894)

Пульмановский социальный эксперимент был наиболее масштабным с точки зрения инвестиций и количества участников. Но Чикаго превратился в подлинную лабораторию социального экспериментирования самой разной направленности. Еще более известным социальным экспериментом, одновременно затронувшим такие общеамериканские проблемы, как права женщин, воспитание детей, классовая дифференциация, положение мигрантов

и рабочих, стал селтльмент Халл-Хаус, созданный Джейн Аддамс и Элизабет Старр в 1889 г. в чикагском ближнем Вест-Сайде. Аддамс¹ предприняла амбициозную попытку перенести на американскую почву британский опыт социального экспериментирования, основным центром которого был Тойнби-Холл в лондонском Ист-Энде. Чикагский селтльмент – фактически *общежитие* в первоначальном значении этого слова – предполагал проживание в одном здании (но в отдельных квартирах) женщин, связанных с университетом, которые оказывали разнообразную социальную помощь окрестным жителям, среди которых доминировали мигранты с низким уровнем дохода. По сути дела, Аддамс и ее соратницы предпринимали попытку установления коммуникативных связей и стирания социальных барьеров между представителями различных социальных и этнических групп. При этом особое внимание уделялось работе с детьми, чьи родители представляли различные волны переселенцев из Старого Света.

Джейн Аддамс в окружении детей
в Халл-Хаусе (конец 1920-х годов)

---

¹ В 1931 г. Джейн Аддамс была присвоена Нобелевская премия мира.